

и К[амениев] и З[иновьев], и с утра, очень расстроенный, попросил вызвать к себе стенографистку, спросив предварительно, уехала ли уже Н. К. в Наркомпрос, на что ему ответили положительно. Пришла Володичева, и В. И. продиктовал ей следующее письмо к Сталину <...>.

Письмо это В. И. просил Володичеву отправить Сталину, не говоря о нем Н. К., а копию в запечатанном конверте передать мне.

Но, вернувшись домой, Н. К. по расстроенному виду В. И. поняла, что что-то неладно. И попросила Володичеву не посылать письма. Она, мол, сама поговорит со Сталиным и попросит его извиниться. Так передает Н. К. теперь, но мне сдается, что она не видела этого письма, и оно было послано Сталину так, как хотел В. И. Ответ Сталина несколько задержался, потом решили (должно быть, врачи с Н. К.) не передавать его В. И., так как ему стало хуже, и так В. И. и не узнал его ответа, в котором Сталин извинялся.

Но как В. И. не был раздражен Сталиным, одно я могу сказать с полной убежденностью. Слова его о том, что Сталин «во все не умен», были сказаны В. И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем — определенное и сложившееся, которое он и передал мне. Это мнение не противоречит тому, что В. И. ценил Сталина как практика, но считал необходимым, чтобы было какое-нибудь сдерживающее начало некоторым его замашкам и особенностям, в силу которых В. И. считал, что Сталин должен быть убран с поста генсека. Об этом он так определенно сказал в своем политическом завещании, в характеристике ряда товарищей, которые он дал перед своей смертью и которые так и не дошли до партии. Но об этом в другой раз...

Н. ВАЛЕНТИНОВ (Н. В. ВОЛЬСКИЙ)

[«Ленину капут!»]

<Из книги «НЭП и кризис партии»>

Насколько серьезно заболевание Ленина, о том не подозревала даже и та малюсенькая группа, знавшая о его болезни. Однако среди них было лицо, которое тогда же, уже с 1922 года, ре-

шило, что «Ленину капут». На это обстоятельство, бросающее свет на то, что произошло позднее, я не встречал никогда и никаких указаний в печати. Оно попало ко мне из уст [М. К.] Владимиров¹, заместителя Дзержинского на посту председателя ВСНХ. В дальнейших главах моих воспоминаний, прямо относящихся к ВСНХ, я подробно расскажу, при каких обстоятельствах, какими словами мне о том рассказывал Владимиров.

Лицо, убежденное, что «Ленину капут», был Сталин. Не могу указать — Владимиров ничего об этом не сказал, — с кем, с какими врачами, иностранными или русскими, Сталин беседовал. Но, их расспрашивая, прибегая для большего уяснения вопроса к медицинским книгам, добавляя сюда свои наблюдения за давно падающим здоровьем Ленина, Сталин пришел к выводу, что Ленин не протянет долго, за первым ударом последуют другие. Главным образом для проверки своего заключения он и ездил в Горки, где — это можно установить по данным из других источников — был 11 июля, 5 августа и 30 августа. В два первых туда приезда он узнал, что, несмотря на бюллетени, успокоительно извещающие, что больной на пути к выздоровлению и «чувствует себя хорошо», припадки продолжались, выражаясь в кратковременном параличе конечностей и неожиданной, временной, иногда на 20–30 минут, потери речи или ее затруднении. Подкрепляясь этими наблюдениями, Сталин решил, что «интересы страны, революции, партии властно требуют не рассчитывать на дальнейшее пребывание Ленина в качестве вождя партии и главы правительства. Политбюро должно работать так, как будто Ленина уже нет среди нас, ждать от него директив и помощи не приходится, и соответственно этому положению умело распределить между членами Политбюро все руководство страной»¹.

Однако Сталин поспешил с выводом, что Ленину уже капут. После длительного ухода в декабре 1921 г. от работы и многомесячного пребывания в Горках Ленин почувствовал себя настолько выздоровевшим, что 2 октября 1922 г. возвратился в Москву и развил кипучую энергию.

<...>

Желая быть в курсе того, что делается в советском хозяйстве и государстве, Ленин заставлял Крупскую для получения ин-

¹ Источник этой цитаты автором не указан. (Примеч. первого ред.)

тересующих его сведений обращаться к Каменеву, Рыкову и Сталину. Последний, в качестве Генерального секретаря партии, имел больше, чем кто-либо, интересующих Ленина данных. Сталин делал это очень неохотно, притом в такой форме, которая оскорбляла Крупскую. Из того, что мы все много позднее узнали, например, из воспоминаний Троцкого, следует, что Сталин был с Крупской до крайности груб. Дав раза два требуемые ею сведения, он потом просто послал ее «к чёрту» и всякие разговоры с ней прекратил. Возмущенная Крупская подняла по этому поводу большой скандал, жаловалась на Сталина Каменеву, Зиновьеву и, в конце концов, рассказала обо всем Ленину¹.

Чем объяснить такое поведение Сталина? В свете того, что мне говорил Владимиров, оно делается понятным. Раз Сталин решил, что хотя Ленин еще и жив, но безнадежно болен и прежним властным вождем быть не может, то особенно церемониться с ним и прислушиваться к нему не нужно. До этого Сталин рабски следовал во всем за Лениным, вечно подлизывался к нему, но так как умирающий, разбитый параличом человек ему уже не страшен, он хамски повертывается к нему спиной. Именно так — это я видел из слов Владимирова — нужно объяснить его грубое обращение с Крупской, его нежелание давать что-либо на суд и решение Ленина. В течение длительного отхода последнего от работы (он начался, в сущности, уже с декабря 1921 года) Сталин, по словам Ленина, «сосредоточил в качестве Генерального секретаря партии необъятную власть». А приобретя ее, он, очевидно, думал, что теперь, с этой властью, уже можно и не сгибаться перед обреченным на смерть человеком.

Узнал ли Ленин, что Сталин считает его окончательно вышедшим из строя? Да, узнал. Так утверждал Владимиров в бе-

¹ Эти строки были уже давно написаны, когда 4 июня 1955 г. Государственный департамент США опубликовал секретный доклад, сделанный Хрущевым на XX съезде партии. Из него впервые становится известным написанное 23 декабря 1923 г. письмо Крупской к Каменеву о Сталине. В нем очень важны следующие строки, которые я цитирую по тексту, приведенному в «LeMonde» (6 июня 1956 г.): «Я обращаюсь к Вам и Григорию (Зиновьеву) как старым товарищам Владимира Ильича и умоляю вас защитить меня от грубых вмешательств (Сталина) в мою личную жизнь, от его подлых оскорблений и низких угроз. У меня нет ни сил, ни времени заниматься этой тупой ссорой. Я человек, мои нервы натянуты до крайности». <...>

седе со мной в декабре 1924 года. Ленина тогда уже не было в живых. На чем покоилось его утверждение, не знаю. Владимиров я о том не расспрашивал и по ряду причин не мог этого делать. По его словам, Ленин сказал:

«Я еще не умер, а они, со Сталиным во главе, меня уже похоронили».

При таком, неожиданно обнаружившемся, отношении Сталина неприязнь к нему у больного Ленина естественно и сразу появилась и, под влиянием жалоб Крупской, крайне обострилась. Вероятно, эта вспыхнувшая неприязнь и вызвала у него рекомендацию снять за грубость Сталина с поста Генерального секретаря, а потом решение порвать с ним всякие личные отношения.

<...>

Из того, что я слышал от Владимирова, прежде всего останавлиюсь на отношении Сталина к болезни Ленина, на знаменитой сталинской фразе: «Ленину капут». Об этом я уже кратко говорил в первой части моей работы, но, ввиду особой важности вопроса, возвращаюсь к нему. Нужно и детально изложить все, что на этот счет слышал от Владимирова. Могу это сделать с полной уверенностью в правильности передачи, так как, в отличие от многих других рассказов Владимирова, этот рассказ запечатлелся в памяти с огромной силой. Это вполне понятно — он меня поразил.

У меня сложилось убеждение, что Владимиров относился к Сталину с большой враждебностью. Но этого я не слышал от него. Он никогда не говорил просто «Сталин», а всегда «товарищ Сталин». Некоторые его фразы как будто хлестали Сталина, но за этим немедленно следовали другие, стиравшие впечатление от предыдущих и свидетельствовавшие о почтении Владимирова к Сталину. В этом вопросе Владимиров был со мною явно неискренен. Он, очевидно, боялся Сталина, положение которого как генерального секретаря, несмотря на предсмертную критику его Лениным, — не ослабло, а окрепло после XIII съезда в мае 1924 г. Потом, уже после смерти Владимирова, мне передавали, что он имел основание быть против Сталина. У него было с ним резкое столкновение, когда Владимиров входил в состав военно-революционного комитета Южного фронта, и другое еще большее, при составлении материалов для XIII съез-

да о финансах и кредите. Материалом о сельскохозяйственном кредите, представленным, в качестве заместителя народного комиссара финансов, Владимировым, Сталин был столь недоволен, что, как меня уверяли, чуть ли не швырнул его в лицо Владимирову. Все это нужно принять во внимание, чтобы лучше и правильнее понять действительный смысл некоторых «завуалированных» фраз Владимирова.

— Я встретился, — рассказывал он, — с Надеждой Константиновной (Крупской) вскоре после смерти Владимира Ильича. Заговорили о нем и не могли удержаться от слез, заплакали как дети. Кто мог бы подумать, говорила Надежда Константиновна, что Ильич исчезнет так рано. Знала, что он был утомлен до последней, крайней степени, страдал от тяжелой бессонницы и головных болей, но ведь большие провалы бывали у него и много раньше. Не один раз, а несколько раз бывало, что жизнь как бы убегала из Ильича, глаза делались мертвыми, лицо темным, двух фраз связать не может.

Но достаточно было хорошенько отдохнуть, и от болезненного состояния следа не оставалось. Владимир Ильич был крепыш. В Париже и в Галиции мог на велосипеде, без всякой усталости, двадцать пять — тридцать километров в день делать. Из Парижа в Лонгжюмо — пешком 18 километров ходил. В таком хождении с ним никто состязаться не мог. Когда первый раз его ударил паралич, у меня была глубокая уверенность, что это болезненное состояние преходяще, нужно только бросить всякие дела и длительно отдохнуть.

Таково, — говорил Владимиров, — было мнение не только Надежды Константиновны. Все, кто более или менее знали Ленина, были уверены, что он из опасности легко выберется. Воля человека, стремление осилить болезнь имеет выдающееся значение, а воли у Ильича хватило бы и на десять человек. Однако не все придерживались такого оптимистического взгляда на болезнь Ленина. В этом отношении товарищ Сталин обнаружил поразительную дальнзоркость, догадливость, прозорливость.

Он давно присматривался к Ильичу и считал, что Ленин серьезно болен. После первого удара товарищ Сталин стал спрашивать об этой болезни врачей, потребовал, чтобы ему дали относящуюся к болезни медицинскую литературу. Два раза, специально для наблюдения за Ильичом, съездил в Горки. Пу-

тем всяких тайных расспросов и наводящих указаний установил, что даже в то время, когда врачи объявили Ильича хорошо выздоравливающим, у него бывают конвульсии и кратковременные потери способности речи. На основании всего этого и со всеми расходясь, товарищ Сталин уже в 1922 году объявил, что болезнь Ленина неизлечима, за первым ударом последуют другие и что вообще «Ленину капут». Он так и сказал.

Конечно, фраза жесткая, грубоватая. Она шокировала Сокольникова, шокировала и меня. Но товарищ Сталин, очевидно, сознательно облакал свой диагноз в грубоватую форму. Не подыскивая мягких, дипломатических выражений, да это и несвойственно товарищу Сталину, он хотел, чтобы товарищи, руководящие страной и партией, бросая всякие иллюзии, скорее отдали себе отчет в положении, созданном болезнью Владимира Ильича. Или его болезнь излечима и он скоро вернется к работе, тогда все резко меняется — у нас по-прежнему есть руководитель, верной дорогой ведущий нас к цели; или болезнь Ленина неизлечима, тогда все резко меняется. Тогда интересы страны, революции, партии властно требуют более не рассчитывать на дальнейшее пребывание Ильича в качестве вождя партии и главы правительства. Политбюро в этой обстановке должно так работать, как будто Ленина среди нас уже нет, не ждать от него директив и помощи и, в соответствии с этим положением, умело распределить между членами Политбюро все руководство страной.

Анна Ильинишна (старшая сестра Ленина. — *Н. В.*), до которой дошла фраза товарища Сталина — «Ленину капут», очень ею возмутилась. Я ее понимаю, фраза, что и говорить, неудобная, однако теперь видно, что товарищ Сталин в своем диагнозе был прав и установил его много раньше врачей. На самого Ильича слова Сталина произвели более чем неприятное впечатление. «Я еще не умер, — сказал он, — а они, со Сталиным во главе, меня похоронили». Владимир Ильич не был злопамятным, но обида его на Сталина, по этому поводу и по другим, была так велика, что после второго приступа болезни (в декабре 1922 г.) он товарища Сталина больше видеть уже не хотел, и не видел. Прав товарищ Сталин, но столь же прав Ильич. Разве приятно слушать — тебе капут? Например, я знаю, что серьезно болен, но если узнаю, что вы, Валентинов, ходите по ВСНХ и убеждаете, что мне, Владимирову, ско-

ро капут, что на мое место нужно уже сажать другого человека, я пошлю вас к черту и больше видеться с вами не пожелаю.

Ильич был трижды прав, говоря, что еще рано его хоронить. Даже после второго удара мысль его работала с прежней ясностью и интенсивностью. Он это доказал, дав партии восемь директивных статей, написанных им в январе, феврале и марте 1923 года. Не исключено предположение, что он их писал с целью показать, что партия от него может услышать многое полезное и глупо его считать окончательно выбывшим из строя. Владимир Ильич, например, ясно указал, что руководство партией и страной — впредь, когда его — Ленина — не будет, не должно осуществляться какой-либо, пусть авторитетной, но по составу своему слишком уж узкой инстанцией. В статьях «Как реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше — да лучше» и в дополнениях к ним он настаивает, что ныне существующую руководящую инстанцию нужно расширить. Он предложил значительно увеличить число членов Центрального Комитета, расширить состав ЦКК — Центральной Контрольной Комиссии, связав ее с реорганизованным и хорошо поставленным Рабкрином — Рабоче-крестьянской инспекцией. Эту тройственную, тесно связанную организацию он намечал как верховный авторитетный руководящий орган страны, проводником воли которой должно быть Политбюро.

С максимальной, насколько было возможно, точностью я передал то, что слышал от Владимиров. Полагаю, что, опираясь на это, я имел право судить о поведении Сталина во время болезни Ленина так, как это я сделал в первой части моих воспоминаний. Несмотря на свое нежелание сказать прямое слово о Сталине, Владимиров, я в этом уверен, был возмущен сталинским приговором: «Ленину капут». Из его рассказа видно, что это возмущение разделяли Сокольников, Анна Ильинична и, вероятно, другие.

И. В. Сталин ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЛЕНИНА (КЛЯТВА)

Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем